

Способность к протесту сохраняется

Россия приближается к длинному сезону выборов 2016–2018 годов, и власти страны имеют все причины быть уверенными в успехе. Они популярнее сейчас, чем когда-либо раньше. И более того — они сохранили свою популярность на волне эмоций и страстей, которые, к удивлению многих наблюдателей, не стихли даже на фоне самого крупного экономического спада за два десятилетия. Лидеры и организации, которые стояли у истоков протестного движения 2011–2012 годов, подверглись репрессиям, электронные СМИ и все большая часть интернета находятся под контролем государства, и для Кремля не существует явной и непосредственной угрозы.

Тем не менее у правителей есть поводы для беспокойства. По некоторым подсчетам, в 2015 году протестной деятельности было больше, нежели в любом другом году предыдущего десятилетия — именно в 2015 году в обществе стало расти и распространяться экономическое и политическое недовольство граждан. В то время как так называемое “Болотное движение” 2011–2012 годов, вероятно, уже ушло в прошлое, организационные и дискурсивные модели, созданные этим движением, живут и здравствуют, сохраняя способность привлекать новых активистов и вдохновлять все новые протесты. В результате в тех протестных движениях, которые могли бы ранее оставаться вполне аполитичными, теперь все чаще присутствует более оппозиционное содержание. В некотором смысле, политический ландшафт, с кремлевской точки зрения, становится более тревожным.

В этой статье мы опираемся на исследова-

ние протестной деятельности в России с 2012 по 2015 годы; мы используем базу данных онлайн-взаимодействия пользователей социальной сети Facebook, чтобы оценить степень активности, все еще присутствующей в российском оппозиционном протестном движении, понять, произошли ли в нем изменения и какие, а также проанализировать общее воздействие, которое эта консолидирующая оппозиционная “экосистема”, по-видимому, оказывает на протесты в целом. Несмотря на то что накал и интенсивность политической конкуренции в России очевидно и сильно снизились, нет уверенности, что спонтанная сетевая мобилизация населения, прокатившаяся по России в 2011–2012 годах, не может произойти снова. Более того, процессы “наведения мостов”, объединившие сообщества и дискурсы в 2011-м в один (временно) единый фронт, продолжили свое существование — а это позволяет предположить, что возобновление масштабной мобилизации сможет привлечь значительное количество новых сторонников.

Поводы для беспокойства

Нет необходимости заново описывать здесь все перемены, произошедшие в российской политике за последние несколько лет, но все же позволим себе краткий пересказ. В 2011 году в России возникла активная антиавторитарная оппозиция, хотя и сосредоточенная лишь в определенных географических точках

и демографических группах. В ответ Кремль принял решение мобилизоваться против нее; в общественное пространство были вброшены сюжеты, вызывающие острые разногласия, — с целью сократить количество сторонников оппозиции и консолидировать поддерживающее власть большинство, что способствовало возникновению все более и более “расколотого” политического ландшафта¹. Уже после этого аннексия Крыма, конфликт в Украине и обострение конфронтации с Западом породили необычно длительный эффект “сплочения вокруг флага” и помогли закрепить трансформацию российского политического дискурса на идеологической основе. Серия законов и постановлений помогли Кремлю усилить контроль за новостными СМИ, негосударственными организациями и в целом за активистами, против которых все чаще применялось формальное и неформальное давление, а также более жесткие меры.

Учитывая сказанное, существовали как минимум четыре серьезные причины, чтобы “пост-Болотное движение” перешло в состояние, которое ученые, занимающиеся социальными движениями, называют “временным бездействием” (abeyance) — период политической пассивности, когда движения и их организационные структуры отходят от активной мобилизации сторонников и вместо этого стремятся консолидировать ядро своих нынешних сторонников и идеологий, выжидая благоприятного момента для новых шагов². Вот эти четыре причины:

- Репрессии;
- Высокий уровень поддержки президента Владимира Путина;
- “Крымский синдром”;
- Инерция “пассивной адаптации”

Стоит взглянуть на каждую из этих четырех причин внимательнее. С первым пунктом, касающимся “репрессий”, все просто. Суд и заключение в тюрьму двадцати восьми участников протестов 6 мая 2012 года на Болотной площади, тюремное заключение двух членов группы Pussy Riot, бесконечные преследования Алексея Навального, убийство Бориса Немцова, постоянное размещение фотогра-

фий “предателей” в инстаграмме Рамзана Кадырова и его приверженцев и множество прочих репрессивных действий, силовых или символических, — все это в результате повышает цену протеста для его участников. То, что Владимир Гельман назвал кремлевской “политикой страха” — в основе которой исчерпание существовавшей ранее более позитивной стратегии легитимации, а также стремление властей подавить оппозицию, — предназначено, как кажется, не столько для того, чтобы наказать оппозицию (хотя это, с автократической точки зрения, может считаться дополнительным положительным эффектом), сколько для того, чтобы воспрепятствовать расширению числа ее сторонников³.

Обратимся теперь ко второму пункту: о популярности Путина. В январе 2012 года Левада-Центр оценивал популярность президента Путина как сравнительно низкую (по меркам Левада-Центра) — лишь 64%; рейтинг его одобрения оставался на этом уровне вплоть до января 2014 года. Однако аннексия Крыма все изменила. Интенсивная пропаганда в СМИ с наиболее массовой аудиторией, с готовностью подхваченная огромным большинством населения, привела к мощному подъему националистических настроений; на этой волне уровень одобрения Путина в марте 2014 года достиг 80% и с тех пор, по данным практически всех опросов общественного мнения, не опускается ниже этой планки.

Существуют разные трактовки относительно того, что именно означает этот уровень популярности. Некоторые утверждают, что опросы недостоверны, поскольку обсуждение политических вопросов стало в России рискованным и люди систематически обманывают социологов⁴. Это, конечно, возможно, но существуют серьезные данные, свидетельствующие о том, что этот эффект, если и существует, то довольно невелик и объясняет очень мало⁵.

Более серьезными представляются разговоры о том, что нынешний уровень популярности является искусственным. Это мнение предполагает, что большая часть нынешней поддержки президента не отражает подлинную удовлетворенность режимом, а является результатом всеохватной государственной

пропаганды, транслируемой по телевизору, который смотрит большинство россиян, а также волны националистических настроений, заставляющих граждан придерживаться официальной линии. Это представляется вполне достоверным, особенно если принять во внимание, что поддержка президента оказалась столь неуязвимой перед лицом глубокого и затяжного экономического кризиса последних лет. Но возникает вопрос — а какая, собственно, разница? Почему вообще имеет значение то, что поддержка в каком-то смысле “искусственная”, то есть достигнута благодаря тому, что власти умело используют популярные темы? Если государство способно и дальше контролировать общественный дискурс, а граждане по-прежнему его принимают, дискуссии о том, что “искусственно”, а что “реально”, начинают походить на теологические дебаты.

В-третьих, совокупность репрессий, пропаганды и национализма вылилась в то, что Кирилл Рогов описывает как “крымский синдром”, который побудил тех россиян, чьи мнения были наиболее близки к официальной линии, активнее выражать свои мнения, а граждан, оппозиционно настроенных по отношению к Кремлю, — наоборот, помалкивать⁶. Это, в свою очередь, усиливается тем, что в публичном политическом дискурсе — причем на всех уровнях, — язык и эмоции пронизаны агрессией и насилием⁷. По крайней мере, в этом язык политики, язык улицы и язык интернета сливаются воедино, причем последние два поглощают первый, — и потому, что краткие и резкие слова улицы (виртуальной и реальной) хорошо подходят для возбуждения тех эмоций, которые стали важны для политики, и потому, что политики разных мастей стремились именно к такому сближению с народом, которое дает уличная, разговорная речь⁸.

И, наконец, глубоко укоренившиеся в российском социуме способы преодоления трудностей и обид, возможно, тоже снижают потребность общества в коллективном политическом действии как реакции на неудачи нынешнего курса правительства страны — даже в том случае, если значительное количество россиян воспринимает их имен-

но как неудачи. Любые естественные импульсы к модернизации, по мнению Льва Гудкова, ослабляются сопротивлением как сверху (со стороны элит, которые не хотят допустить, чтобы их власть была ослаблена некими обезличенными институтами), так и снизу (обычными россиянами, для которых важнейшей поведенческой моделью является “пассивная адаптация” — термин, предложенный Гудковым)⁹.

В целом на основе теории социальных движений логично было бы прогнозировать, что перечисленные четыре фактора (а тем более их комбинация) приведут к “спячке” или “временному бездействию” протестных движений. Учитывая возрастающую цену гражданской активности, сокращение возможностей добиться изменений политическим путем, быструю и масштабную идеологическую консолидацию на основе идей, прямо противоположных протестному движению, и сопутствующий этому сдвиг общественного мнения в пользу властей и против оппозиции, стоило бы предположить, что протестное движение уйдет в некую форму зимней спячки, а новые движения не смогут возникнуть. В реальности, однако, мы наблюдаем несколько иную картину.

Пассивная агрессия

Несмотря на склонность россиян к “пассивной адаптации” или “агрессивной неподвижности”¹⁰, в России всегда присутствовал общественный протест. Более того, количество и размах протестов возросли за время первых трех сроков пребывания Путина во власти (включая его срок в качестве премьер-министра)¹¹. Большая часть этих протестов касалась и касается до сих пор материальной сферы: зарплат, пенсий, жилья, проблем из серии “только не у меня во дворе” и тому подобного. И все же в 2015 году, когда, как сообщают нам исследования общественного мнения, россияне были особенно довольны своей властью, а потому были не против пожертвовать частью своих интересов ради интересов страны, — именно в этом году россияне протестовали, возможно, больше, чем за все время путин-

ского правления. И хотя общая статистика, включающая в себя все протестные действия, отсутствует, — как кажется, основная их часть приходится на протесты, связанные с работой: всего таких эпизодов было более четырехсот, что более чем на 40% превышает показатели прошлого года и почти на 80% — средние показатели за длительный период¹². Тем временем сайт-«агрегатор» общественных движений Activatica.org сообщает примерно о 330 кампаниях активного протеста, происходящих по всей России в настоящее время¹³.

Частично причина, по которой две эти тенденции могут сосуществовать в одном пространстве и времени, — то есть структура общественных политических воззрений может смещаться в пользу режима в то же самое время, когда количество протестов возрастает, — заключается в том, что в большинстве протестных акций (даже в довольно крупных) принимает участие относительно небольшое число граждан, и протестующие обычно не являются типичными представителями общественных настроений. Некоторые люди более склонны протестовать, чем другие. Важны как индивидуальные воззрения и установки, так и свойства личности и такие демографические факторы, как возраст, уровень дохода и образование. Свою роль играют и социальные связи, политические привычки друзей, родственников и коллег. Кроме того, протестная мобилизация имеет черты зависимости от инерции развития (path dependency): когда человек уже оказывается мобилизован, он или она, скорее всего, останется таковым, по крайней мере, на некоторое время; верно также и обратное.

Это, однако, не исключает того, что протесты могут быть связаны с более широкой структурой общественных политических воззрений. Совсем наоборот. Протесты в 2015-ом, а теперь уже и в 2016 году, происходят в другом контексте, нежели протесты, скажем, 2005-го или 2006 года: они неизбежно испытывают на себе влияние поляризации и идеологизации политики, более частого применения государственного насилия и агрессивной пропаганды и, возможно, нарастающего ощущения социальной изоляции и враждебности.

Тектонические сдвиги в политике — такие как возникновение «Болотного движения» и реакция режима на него или аннексия Крыма и реакция общества на это событие — способны изменять смысл и эффект действий, которые сами по себе не отличаются от тех, что происходили до этого сдвига. Все это — часть того, что исследователи протестных движений называют «структурой политических возможностей».

В оставшейся части этой статьи мы рассмотрим взаимоотношения протеста в том виде, как мы наблюдаем его с 2012 года, с более широким контекстом российской политики. При этом мы делаем три основных утверждения:

■ Во-первых, несмотря на постоянные и упорные разговоры о гибели «Болотного движения», с 2012 по 2015 год продолжается мобилизация населения, связанная с протестами, и большая часть этой деятельности вращается вокруг идей, коренящихся именно в «Болотном движении». Из этого следует не только то, что движение сохраняет некоторый потенциал, но и то, что — более фундаментально — сама идея протеста сохраняет некоторый потенциал, достаточный для привлечения значительного количества новых активистов.

■ Во-вторых, общественная мобилизация, как кажется, связана с конкретными причинами недовольства, а не с теми или иными организациями. Поэтому то, что мы здесь наблюдаем, мало похоже на общественные движения в традиционном понимании и более похоже на горизонтально ориентированное сообщество, в котором люди переходят от одной темы или «разговора» к другому, не выстраивая прочные формальные структуры, которые могли бы в течение длительного времени связывать такие «обсуждения» между собой.

■ В-третьих, хотя мы и не наблюдаем создания формальных организаций, мы видим появление и консолидацию некоей «оппозиционной парадигмы» (oppositional master frame), вокруг которой и структурируется само движение как реакция на растущее доминирование авторитарной парадигмы, провозглашаемой Кремлем. В результате консолидации

сторонников каждой из обозначенных парадигм вновь возникающие протесты вскоре втягиваются и/или выталкиваются внутрь оппозиционного поля.

Сообщества и структуры

Чтобы подтвердить эти предположения, мы начнем с изучения последствий самого “Болотного движения”. Для этого мы проанализируем взаимодействие пользователей в восемнадцати открытых “сообществах” социальной сети Facebook, связанных с протестным движением. Совокупность данных включает в себя все взаимодействия пользователей, генерирующие контент, — то есть посты и комментарии — в сообществах с марта 2012 года по июль 2015 года, в общей сложности примерно 187000 сообщений и 45000 индивидуальных пользователей.

Использование Фейсбука для нашего исследования отражает использование этой социальной сети самим движением. Несмотря на то что число пользователей социальной сети ВКонтакте в России куда больше, различные исследования показали, что именно Фейсбук сыграл решающую роль в организационных и мобилизаторских усилиях “Болотного движения”, в особенности в условиях отсутствия формальной организационной инфраструктуры¹⁴. Кроме того, если человек являлся пользователем Фейсбука, он с куда большей вероятностью, чем пользователь ВКонтакте, считал, что результаты выборов 2011 года были фальсифицированы¹⁵.

Уровни участия

В качестве первого подхода к анализу данных мы отслеживали по дням количество людей, активно участвующих в деятельности страниц сообществ, связанных с протестным движением. Глядя на эти числа, мы видим, что уровень участия меняется с течением времени

и длительные периоды покоя перемежаются всплесками активности. Однако, как показывают данные, пиковые уровни мобилизации в 2014 году были в действительности выше (по крайней мере, судя по онлайн-активности), нежели пиковые уровни активности во время максимального подъема “Болотного движения”.

Начало сбора данных — 1 марта 2012 года — приурочено к кульминационному моменту “Болотного движения”, непосредственно перед президентскими выборами 4 марта. В течение следующих месяцев прошел митинг 6 мая накануне инаугурации Путина, закончившийся столкновениями с полицией и насилием, суд над Pussy Riot (в августе 2012 года), судебные процессы по “делу 6 мая”, суд над Алексеем и Олегом Навальными, выборы московского мэра в 2013 году, по итогам которых Алексей Навальный занял второе место по количеству голосов, и все многообразие событий, описанных выше, вплоть до аннексии Крыма, войны на Донбассе, подготовки к региональным выборам в России 2015 года и так далее — практически до настоящего времени.

На рисунке 1 показано, как количество активных пользователей за день в сообществах, связанных с протестным движением, изменяется с течением времени. В самом начале марта 2012 года, примерно на пике “Болотного движения”, за день набиралось около 1100 пользователей. Это число вскоре начало уменьшаться и далее колебалось между несколькими десятками и несколькими сотнями (см. рисунок 2). Следующий пик активности приходится на конец февраля 2014 года, когда возникло антивоенное движение. 1 марта 2014 года более 5000 человек в день публиковали посты и комментарии. В последующий период количество участников за один день колеблется между 600 и 1000 человек — до мая 2015 года, когда оно начинает уменьшаться и опускается до более низкого уровня, чем до начала антивоенного “момента” (см. рисунок 3).

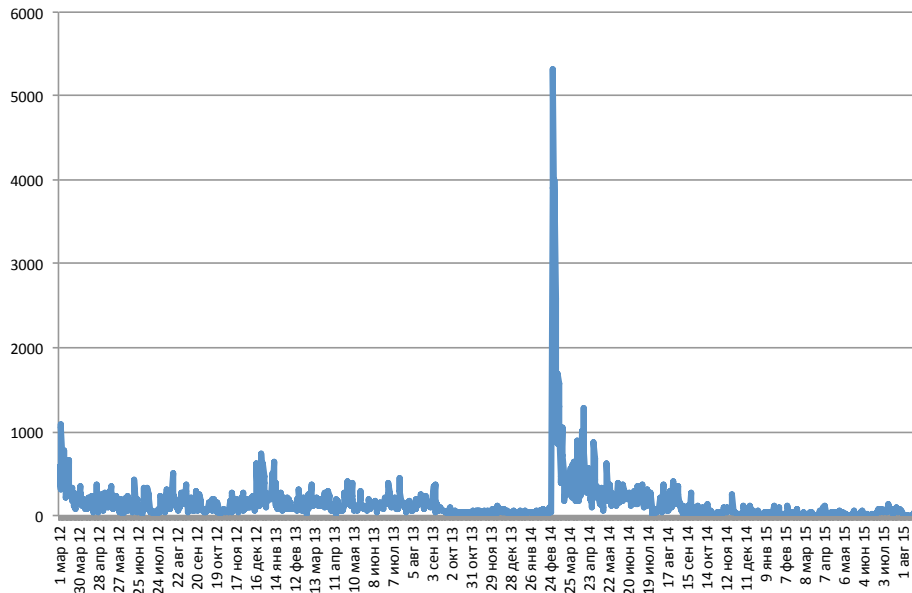

Рисунок 1. Число пользователей в день, март 2012-июль 2015

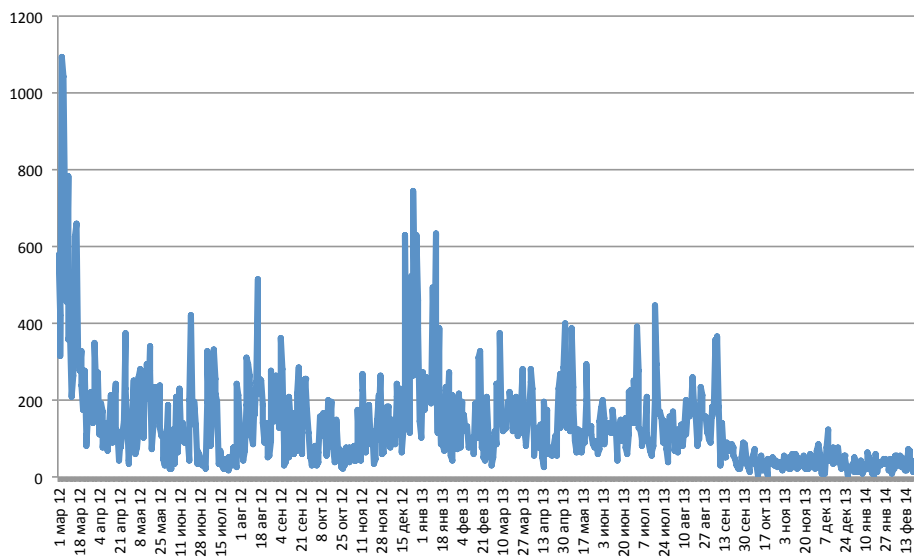

Рисунок 2. Число пользователей в день, март 2012-февраль 2014

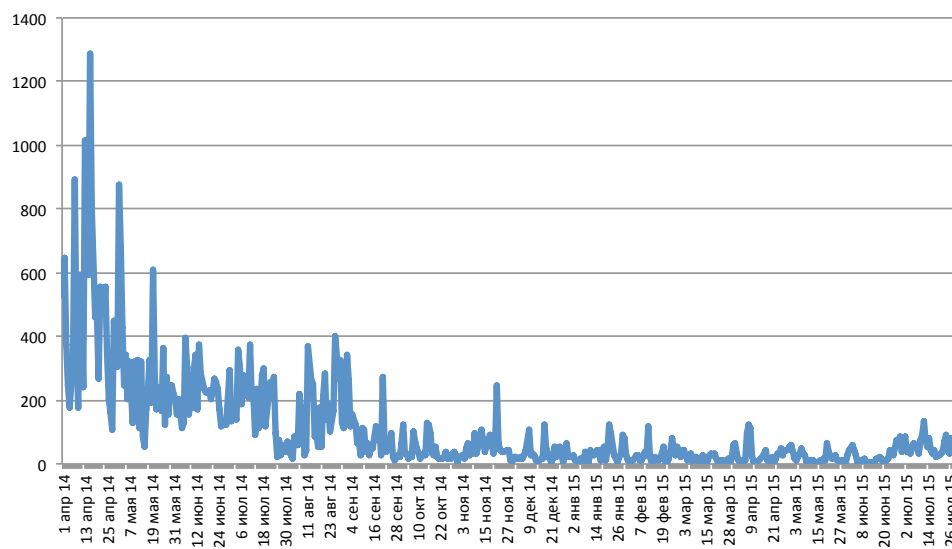

Рисунок 3. Число пользователей в день, апрель 2014-июль 2015

Рекрутирование новых участников

С уровнями участия теперь все более или менее понятно. А каким образом в протестное сообщество попадают новые участники? Исследователи протестного движения, как правило, рассматривают привлечение новых участников через комбинацию двух источников мобилизации: события и связи между людьми.

Когда некая новость или другое потрясение, приходящее извне социального круга человека, воздействует на него таким образом, что он, один или вместе с группой, включается в некую повестку, предложенную общественным движением, это называют “рекрутирующим событием”. В нашем случае такими рекрутирующими событиями стали постепенное втягивание России в войну с Украиной или убийство Бориса Немцова.

Второй механизм можно назвать “рекрутирующими связями”: некто — родственник, коллега или сосед (а может быть, и незнакомый человек, собирающий подписи на улице) — напрямую призывает другого человека присоединиться. Эффект воздействия рекрутирующих связей между людьми зависит от многих факторов, но ключевым элементом является характер отношений, посредством которых происходит рекрутирование человека в то или иное движение. Уровень доверия, близости и ожиданий, свойственных определенным отношениям, влияют на успешность вовлечения человека и интенсивность его последующего участия.

Эмпирически мы можем различать привлечение новых членов в результате “рекрутирующих событий” или через “рекрутирующие взаимоотношения”, изучая кривые, характеризующие динамику вовлечения, — то, как со временем возрастает количество участников движения. Рекрутирующие события создают экспоненциальный рост кривой вовлечения, поскольку влияют одновременно и напрямую

на большое число людей (хотя конкретный характер кривой зависит от сочетания социальных, политических и индивидуальных факторов). Вовлечение посредством отношений, напротив, дает более плоские, сигмовидные кривые, отчасти потому, что межличностные сети по самой своей сущности ограничены в размерах.

В действительности, конечно, каждый момент истории сообщества включает в себя как событийное рекрутирование новых членов, так и то, которое основано на отношениях (разумеется, в большинстве случаев человек решает принять участие в той или иной акции или движении, скорее всего, в результате сочетания обоих факторов); но остается вопрос о том, каков относительный вес каждого из факторов¹⁶.

В случае с Россией антивоенное движение — это яркий пример привлечения новых членов через событие. Как видно на рисунке 4, возникновение антивоенного движения начиная с 1 марта 2014 года образует явно выраженную экспоненциальную кривую, которая впоследствии затухает и превращается в сигмовидную кривую, наклон которой еще меньше, чем наклон кривой в период после “Болотного движения” и до начала войны. Это показывает и мобилизирующую силу событий, и то, что вовлечение новых членов в сообщество происходит также и вне больших событий, хотя и медленно. Поскольку события, которые приводят к масштабному привлечению участников, по самой своей сути непредсказуемы, невозможно предсказывать и возникновение масштабных протестов, которые, однако же, время от времени происходят. За последнее десятилетие мы наблюдали этот феномен много раз на территории бывшего Советского Союза и в других местах: толпы людей появляются как бы из ниоткуда и бросают вызов действующей власти. Рисунок 4 демонстрирует, что мобилизация такого типа возможна и в России.

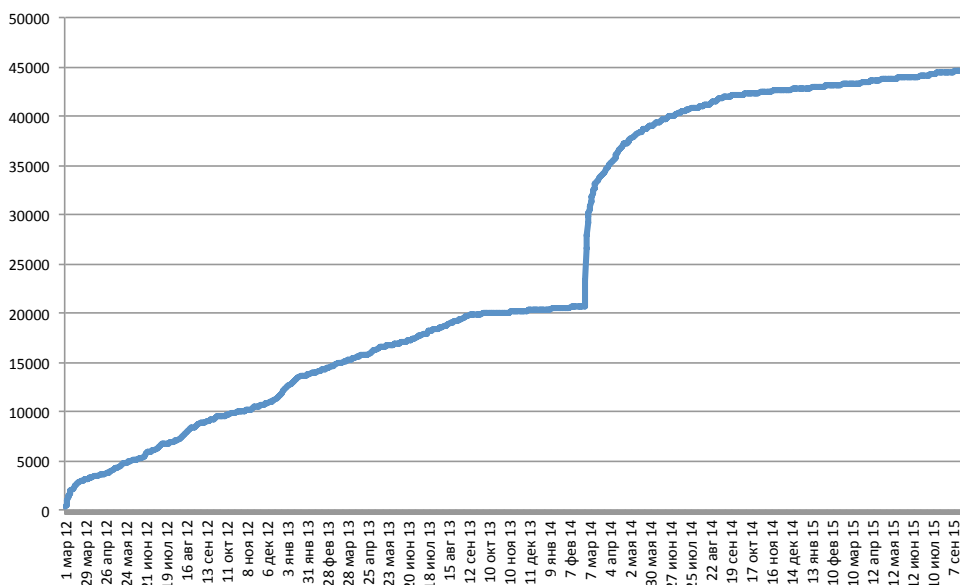

Рисунок 4. Вовлечение новых участников в сообщество

Структура сообщества

Очевидно, что теперь следует задаться вопросом о том, какие структуры действуют в тот момент, когда происходят рекрутирующие события и люди устремляются в ряды движения. Какова инфраструктура их внутренних связей и идей? Строятся ли они на чем-то уже существующем или начинают с нуля? В этом разделе мы рассматриваем структурные характеристики системы, с тем чтобы понять, что именно определяет выбор потенциальных новых членов, когда они решают примкнуть к тому или иному движению.

Следуя работам Гонсалес-Байлон и Ванг, а также Борг-Холдхёфер и др., мы измеряем структурные характеристики сети тремя способами¹⁷:

- В качестве первого индикатора мы рассматриваем коэффициенты кластеризации, которые отражают склонность узлов сети собираться в кластеры. Эти измерения выражаются как средний коэффициент кластеризации системы в произвольный момент времени. Средний коэффициент кластеризации показывает плотность организации внутри сети.

- Вторым индикатором является “степень”, которая также измеряет плотность сети. Степень измеряет количество связей между одним узлом (участником) системы и осталь-

ными ее узлами. Степень выражается как среднее число связей по всей сети в произвольный момент времени.

- Третьим индикатором являются связанные компоненты. Этот индикатор измеряет количество структурных кластеров в сети в произвольный момент времени. Этот индикатор выражается как общее число слабо связанных компонентов, доля узлов в самом большом (гигантском) компоненте и доля узлов во втором по величине компоненте. Эта единица измерения помогает определить, можно ли считать сеть единым целым, или же она в действительности состоит из нескольких слабо связанных между собой подсетей.

В результате мы видим неплотную коалицию, обладающую очень слабой структурированностью в том, что касается организации и лидеров, но довольно сильной структурированностью идейных “рамок”, или парадигм, вокруг которых строится взаимодействие внутри коалиции. Такие парадигмы со временем эволюционируют, но остаются достаточно устойчивыми и неизменными, оказываясь “на вооружении” самых разных людей и сообществ.

Это позволяет предположить, что, хотя участники протестного движения и не входят в состав единого организационного пространства, в идейном отношении они едины.

На рисунке 5 представлены средний коэффициент кластеризации и средняя степень. Как видно на рисунке, и коэффициент кластеризации, и средняя степень быстро пошли на убыль после достижения высшей точки в марте-апреле 2012 года, когда сети было всего несколько месяцев, а контуры России-после-Болотной еще не сформировались; в 2013 году эти показатели колебались, а к началу 2014 года достиг-

ли минимальных показателей. Таким образом, к моменту появления антивоенного движения у среднего участника сообщества было всего по одной интерактивной связи в месяц (при том, что трафик вокруг этой связи мог быть весьма значительным); обычно это была связь со “страницей” сообщества, что означает, что значительный кластеризующий эффект был только у самих страниц сообществ.

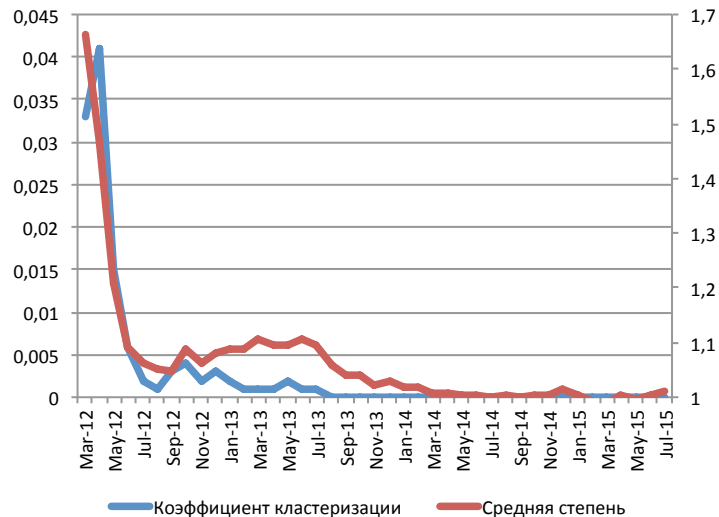

Рисунок 5. Кластеризация и «степень» сообщества

Количество связанных между собой структурных компонентов в сети также постепенно сократилось с течением времени — почти весь 2012 год их было более десяти в каждом месяце, а затем, как видно на рисунке 6, стало менее восьми, с очевидной тенденцией к сокращению. Впрочем, почти независимо от числа компонентов концентрация активности в самом большом (так называемом, “гигантском”) компоненте стабильно держа-

лась выше 98% почти весь период с марта 2012 года до декабря 2014 года и лишь дважды за это время упала до уровня 90%. Таким образом, хотя общение происходило и в других сообществах системы, они были структурно маргинальны с самого начала и оставались таковыми до начала 2015 года, когда концентрация в гигантском компоненте упала ниже уровня в 40% (хотя количество конкурирующих компонентов продолжало уменьшаться).

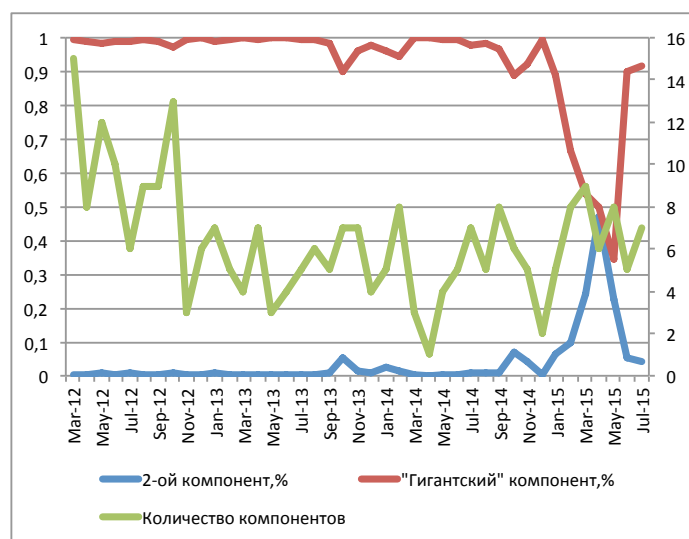

Рисунок 6. Компоненты сообщества

На рисунке 7 представлена иллюстрация того, как могут одновременно существовать два феномена, которые, как кажется, находятся во взаимном противоречии: каким образом сеть может становиться одновременно и более единой, и менее плотно связанной внутри себя. Данный рисунок показывает относительное доминирование каждого из десяти самых больших сообществ в сети в разные периоды времени. Как можно предположить, глядя на рисунок 6, в любой момент времени существует лишь одно доминирующее сообщество (а значит, и один доминирующий “разговор”) во всей сети. Однако по мере “взросления” сети это доминирование

периодически переходит от одной группы к другой: от “Мы были на Болотной...” к “Команде Навального”, от “Команды Навального” к ПАРНАСу, затем — к антивоенному движению и т.д. Более того, значительное снижение доминирования “гигантского компонента”, которое мы видим на рисунке 6, совпадает с ускоряющимся чередованием доминирующих групп, которое мы видим справа на рисунке 7. Таким образом, хотя в каждый произвольный момент участник сети, как правило, участвует не более чем в одном “разговоре”, то есть имеет “степень”, едва превосходящую единицу, сам разговор от раза к разу может различаться.

Рисунок 7. Состав сообщества

В целом стремительное появление и рост антивоенного движения позволяют предположить, что более широкая (хотя и со слабыми внутренними связями) протестная коалиция сохраняет способность к экспоненциальному вовлечению новых участников через событие, а российское общество сохраняет способность

вовлекаться в бурные мобилизационные процессы. Несколько более медленное рекрутирование новых участников, последовавшее за гибелью Немцова, напротив, свидетельствует о том, что не все призывы работают одинаково; тем не менее, смерть давнего лидера оппозиции послужила мощным зарядом для

возобновления мобилизации большого количества людей, которые ранее участвовали в протестном движении, но, возможно, выпали из него с течением времени. А спорадический, но значительный рост сторонников Навального в отсутствие крупных мобилизующих событий дает основания думать, что силы межличностных рекрутирующих связей все еще далеко не исчерпаны.

С другой стороны, объект нашего изучения — это оппозиция без четкой политической программы. Это феномен, который Марк Бессингер назвал “негативной коалицией” — быстро созданная коалиция, объединенная вокруг одной определенной проблемы и не имеющая четких общих целей¹⁸. Бессингер скептически относится к способности таких коалиций добиваться социальных изменений, но, возможно, этот критический взгляд не вполне верен. Если подойти к вопросу с исторической и сравнительной точек зрения, мы понимаем, что социальные движения во всем мире почти всегда начинаются как мобилизация граждан против чего-то. Они становятся “позитивными” лишь тогда, когда для этого складывается соответствующая структура политических возможностей. Более того, в странах с авторитарным режимом, где крайне ограничено пространство, в котором можно активно привлекать новых членов в движения и создавать новые коалиции, негативная коалиция — это максимум того, на что могут рассчитывать оппоненты действующей власти. Хорошей новостью, с точки зрения оппозиционеров, является то, что негативные коалиции могут объединяться и объединяются очень быстро и, как представляется, нередко оказываются достаточно сильны, чтобы создать большие проблемы существующему режиму.

От большого к малому

Из приведенного анализа следует, что в России (как и в большинстве других мест) ядром процесса, из которого вырастают протестные действия, является недовольство. В декабре 2011 года оно было связано с тем, что люди почувствовали себя оскорбленными, потому

что у них отняли их голоса. В марте 2014 года это была злость на государство, вступающее в войну, которую многие считали несправедливой. Год спустя это было потрясение, вызванное убийством Бориса Немцова. Хотя события такого масштаба способны побуждать к действию одновременно большое количество людей, основная масса протестов имеет другие побудительные мотивы. По большей части протесты связаны с гораздо более локализованным недовольством, причины которого “ближе к дому” как физически, так и материально, и потому их идейная основа носит куда менее абстрактный характер. В таком случае что объединяет требования “Верните, гады, выборы” и “Верните, гады, пенсии”?

В связи с этим имело бы смысл найти сходства и отличия в четырех недавних эпизодах протестной мобилизации: (1) антивоенном движении; (2) росте популярности “Команды Навального”; (3) протестах по поводу московских парков летом 2015 года; и (4) протесте дальнобойщиков в конце 2015 года. Случаи (1) и (2) были явно политическими с самого начала и явно находились внутри оппозиционной повестки. В отличие от них, случаи (3) и (4) не были политическими по своей сути; они не декларировали целей, которые напрямую объединяли бы эти случаи с “Болотным” или “пост-Болотным” движениями. Если сравнивать эти случаи с другой точки зрения, то (2) и (4) изначально характеризовались относительно высоким уровнем организационных возможностей и структуры, тогда как (1) и (3) возникли как низовые движения.

Случай 1

28 февраля 2014 года, на следующий день после того, как первые российские войска появились в Крыму, анонимная группа российских граждан опубликовала петицию против того, что казалось им вмешательством России во внутривнутриполитические дела Украины, и создала сообщество на Фейсбуке для поддержки этой кампании; так родилось сообщество “Мы против вмешательства во внутренние дела Украины”. Численность группы быстро выросла в преддверии единственного прове-

денного ею мероприятия, Марша Мира, который прошел 21 сентября 2014 года. К моменту Марша группа насчитывала 8228 участников. Позже количество участников сильно сократилось; к 27–28 февраля 2015 года, когда был убит Немцов, который сам был важной фигурой антивоенного движения, участников оставалось всего 360. Однако к 1–2 марта 2015 года, когда был организован марш, чтобы почтить память Немцова, сообщество снова выросло до 650 участников. Это количество, хоть и кажется небольшим по сравнению с более ранними периодами, представляет 42% активности всей сети в те два дня — что, судя по всему, отражает значение самого Немцова для антивоенного движения.

Таким образом, в соответствии с прогнозами теории социальных движений антивоенное движение сумело быстро привлечь большое количество активистов, поскольку сама тема вызвала острую эмоциональную реакцию и вовлеченность этих активистов не ослабевала на протяжении длительного времени. Однако сравнительно небольшой наклон кривой, характеризующей рекрутирование в движение новых членов, позволяет предположить, что дальнейшие события, не связанные напрямую с центральной темой, — в том числе смерть одного из наиболее заметных активистов движения, как говорилось выше, — не смогли стать факторами мобилизации и привлечения новых участников.

Случай 2

Уже после того, как волна “Болотного движения” сошла на нет, Алексею Навальному, ставшему наиболее заметной фигурой движения, были предъявлены обвинения по двум делам о хищении, которые большинство сторонников оппозиции считало ложными; за обвинениями последовал приговор и условный срок. Его брат Олег был приговорен к трем с половиной годам тюремного заключения по второму из этих двух дел. Хотя министерство юстиции не позволило зарегистрировать политическую партию Навального (Партию Прогресса), она присутствует в публичном пространстве и выдвигает кандидатов на вы-

борах по спискам партии ПАРНАС; самым заметным стал случай выдвижения Навального на выборах мэра Москвы в сентябре 2013 года, где он сумел набрать 27% голосов. Помимо партийной деятельности Навальный активно работает в Фонде борьбы с коррупцией, который он основал совместно с активистом Леонидом Волковым (Волков находится под следствием из-за стычки с прокремлевским журналистом) и с Владимиром Ашурковым, в прошлом высокопоставленным сотрудником банка, ныне покинувшим страну. Навальный наиболее активно присутствует в сети в сообществе “Команда Навального”, где публикуются отчеты об антикоррупционных расследованиях, тексты антивоенного содержания и призывы к политической мобилизации.

Как показано на рисунке 7, “Команда Навального” впервые появляется в нашей совокупности данных в июле 2013 года, во время подготовки к выборам мэра Москвы (а также в контексте суда над Навальным и его краткого заключения под стражу), доминирует в публичном пространстве до октября того же года, а затем периодически вновь возникает и занимает доминирующую позицию в конце 2014 года и в 2015 году — впрочем, лишь ненадолго. Можно заключить, что это большое и растущее сообщество, но с довольно слабыми внутренними связями, поскольку его участники приходят и уходят с куда большей легкостью, нежели, к примеру, участники антивоенного движения.

Случай 3

Два сильно локализованных протестных движения возникли одно за другим летом 2015 года в Москве. Первым было движение в Торфянке, части большого парка Лосиный Остров на северо-востоке столицы. Тамашние жители вышли, чтобы выразить свой протест против планов строительства нового храма на территории парка, что привело к столкновениям как с местными властями, так и с Русской православной церковью. Вторым движением стал протест в Парке Дружбы, в удаленном от центра северо-западном районе Москвы — Левобережном. Тамашние жители

выступили против строительства спортивного комплекса, включающего в себя также административные здания и гаражи, который начали возводить на территории парка без каких-либо предупреждений или предварительного публичного обсуждения.

Несмотря на то что ни один из этих протестов по своей сути не был политическим, оба вскоре оказались политизированными. Оппозиционные группы и СМИ подхватили их как выражение общественного недовольства, и такое восприятие не было беспочвенным. Вопреки традиции, никто из протестующих не обращался за помощью к Путину или Кремлю, считая “Единую Россию” частью возникшей проблемы; они приветствовали оппозиционных активистов (которых в предыдущие годы участники локальных протестов предпочитали избегать) в своих рядах, палаточных городках и онлайн-сообществах.

Мы выделили на Фейсбуке четыре сообщества, связанные с этими протестами. Два из них — “За парк” и группа, сформировавшаяся вокруг страницы протестного мероприятия 25 июля (которую мы будем называть просто “Торфянка”), — занимались проблемами Торфянки. Третье сообщество, “Оборона Левобережного”, занималось Парком Дружбы. А четвертое, “Прогрессивное право”, которое является ответвлением “Команды Навального”, оказывает правовую поддержку и предлагает помощь и советы местным сообществам подобного типа. Все эти группы невелики, количество их участников колебалось между 75 и 256 в течение 30-дневного периода с 10 июля по 10 августа 2015 года. Большинство участников сосредоточены на своих локальных протестах, но между ними существует значительное количество связей.

Случай 4

В конце 2015 года правительство приступило к осуществлению реформы финансирования магистральных дорог, которая включает в себя введение покилометровой платы со всех тяжелых грузовых машин, проезжающих по федеральным трассам. Контрольный пакет акций частной компании, администрирующей

эту систему, названную “Платон”, и взимающей плату, принадлежит сыну Аркадия Ротенберга, бывшего партнера Путина по боевым искусствам. Если бы власти обращали внимание на общественное мнение — или если бы они хотя бы обратились к социологам — они, опять же, вряд ли пошли бы на такие меры. Примерно половина грузоперевозок в России осуществляется не крупными компаниями, которые могут без труда переложить дополнительные расходы на своих клиентов, и которые поэтому не стали протестовать против нового налога, но частниками, индивидуальными предпринимателями, у которых куда меньше власти в рыночных отношениях. Но зато у них есть власть другого рода. Они организованы — не в профсоюзы, но в профессиональные ассоциации. Все они постоянно находятся в сети, используя интернет для получения заказов и планирования маршрутов. У них есть онлайн-форумы с высоким трафиком, где дальнбойщики делятся информацией о состоянии дорог, взяточничестве сотрудников полиции, запчастях и прочем. Кроме того, у них есть культура взаимовыручки: дальнбойщик, как правило, остановится, чтобы помочь товарищу, у которого сломалась машина; на придорожных стояночных площадках дальнбойщики договариваются спать по очереди, чтобы кто-то мог присматривать за машинами. Если специально выбирать сообщество, способное отреагировать на посягательство на свои интересы, то дальнбойщики — идеальный пример. И они отреагировали: дальнбойщики забастовали и продолжали бастовать на момент написания этой статьи.

К сожалению (с точки зрения целей нашего исследования), дальнбойщиков нет на Фейсбуке. Они, однако, есть в Твиттере, где — несмотря на то, что у дальнбойщиков сильная организационная инфраструктура, — обнаруживается не структурно консолидированное протестное движение, а довольно хаотичное пространство без единого центра. В один из пиковых дней протеста, когда дальнбойщики съехались к МКАДу (этот день получил название День улитки), самые популярные хэштеги Твиттера, связанные с протестом (#ДеньУлитки, #Дальнбойщики и #Пла-

тон), набрали около 1800 твитов от примерно 700 пользователей. Внутри этой группы было около 130 отдельных кластеров, в результате чего очень немногие люди обладали хоть какой-то “центральностью” в сети. Отсутствие структурной слаженности в сети, конечно, не обязательно в точности отражает то, что происходит в реальности. На самом деле многие отмечали, что дальнбойщики обладают сравнительно сильной организационной инфраструктурой. Впрочем, мы знаем также и то, что в реальности протест дальнбойщиков включает в себя массу разных организаций, а не единую общую платформу. Поэтому заслуживает особого интереса то, что сетевое отображение этого протеста демонстрирует одновременно и организационную фрагментированность, и дискурсивное единство: независимо от того, где люди находились, в сети они говорили об одном и том же и примерно одними и теми же словами.

От малого к большому

Из описанных случаев можно вывести два наблюдения. Первое касается значимости — или, скорее, незначительности — структуры и организации. Во всех четырех случаях, несмотря на то, что их идейные и инфраструктурные отправные точки были различны, мы наблюдаем примерно один и тот же феномен: выстроенные организаторские структуры играют сравнительно малую роль в мобилизационном “рывке” и недолго существуют после него. Если у протестующих изначально существовали некие организации — как это было в случае с дальнбойщиками, — они не обязательно стремились их использовать (или не считали это необходимым). Когда организации создавались специально — как в случае с Навальным — довольно скоро в них исчезала нужда. Такие организации могут представлять собой важный механизм коммуникации, но, если протестующие в России видят свою главную цель в том, чтобы заявить о своем недовольстве и добиться удовлетворения своих требований, стабильные и долгосрочные организации, по-видимому, не представляются им эффективным инструментом для ее достижения.

Однако то, что российские активисты не проявляют большого интереса к организациям, не обязательно означает, что они не проявляют интереса к самому протесту. Напротив, наши данные свидетельствуют о том, что уже мобилизованные в то или иное протестное сообщество россияне с большой вероятностью остаются мобилизованными и нередко выходят за пределы той проблемы, с которой было связано их изначальное недовольство, и той группы, которая изначально побудила их к активности (отсюда и молниеносные смены протестных онлайн-сообществ, которые мы видим ближе к концу рисунка 7). А это, в свою очередь, приводит нас ко второму наблюдению: ровно так же, как “крымский синдром”, описанный Роговым, создает полюс притяжения для большинства российских граждан, одновременное воздействие целого набора факторов втягивает и выталкивает большинство сегодняшнего российского протеста в явно оппозиционное пространство.

Поразительно то, как стремительно протесты, к примеру, в московских парках получили явную идеологическую окраску. Официальные лица стали называть протестующих “пятой колонной”, а в социальных сетях и местных изданиях их обвиняли в попытке организовать “майдан” в Москве, в том, что они прислужники Вашингтона, и так далее — с использованием всех избитых — но оттого не менее абсурдных — штампов. Но в этих “политических” обвинениях была какая-то доля правды: протестующие были рады любому, кто предлагал помощь. Еще десять лет назад участники подобных протестов пресекали любые попытки взаимодействия со стороны оппозиционных партий; эти же протестующие — например, активисты Лосино-Острова — приветствовали появление политических фигур и тот организаторский опыт, который партии привносили в движение. Сам Навальный, конечно, там не появлялся, но присутствовали связанные с ним группы и организации, а также активисты от КПРФ. “Единая Россия” точно была бы там нежеланным гостем.

То же можно сказать и о протесте дальнбойщиков. За единственным исключением (которым стал Сергей Гуляев, давний оп-

позиционер из Санкт-Петербурга) никто из наиболее ярких участников этого протеста не был ранее замечен в оппозиционных кругах, а оппозиционные лидеры не смогли напрямую наладить тесное взаимодействие с дальнобойщиками. Однако одним из самых крупных каналов коммуникации для дальнобойщиков является InfoResist, русскоязычный новостной сервис, расположенный на Украине, также известный в антивоенном движении. Борьбу с дальнобойщиками возглавил Евгений Федоров и близкое к нему движение НОД, известное своей агрессивной антизападной позицией, которые заклеили дальнобойщиков “пятой колонной”, наймитами Госдепа и т. п., а сами дальнобойщики постепенно стали принимать помощь от Навального, телеканала “Дождь” и даже групп ЛГБТ, которые приносили им еду и воду.

15 января 2016 года примерно тысяча пенсионеров вышла на улицы Краснодара, требуя, чтобы региональные власти вернули им льготный проезд в городском транспорте, к которому они привыкли. Протестующие — в большинстве своем женщины — стояли у здания районной администрации, призывая губернатора выйти к ним (он так и не вышел), скандируя “позор” и требуя вернуть им льготы. Звучали резкие слова в адрес “Единой России”, хоть и не Путина лично, и в адрес региональных и государственных властей в целом. Насколько можно судить, протестующие считали, что они расплачиваются за государственную коррупцию — что за их счет, среди прочего, возмещаются расходы по Олимпийским играм. Днем позже правительство региона капитулировало. Спустя неделю уволился министр регионального правительства, отвечавший за отмену льгот.

Краснодарский протест отличается от описанных выше случаев двумя ключевыми моментами. Во-первых, он не стал политическим. Во-вторых, власти сдали позиции почти сразу. Если основной тезис этой статьи верен — а именно, если самым существенным

изменением российского протеста после Болотной и после Крыма является то, что конфронтация почти неизбежно становится политической — то второе является причиной первого.

Конечно, отказ от двойственности, ранее отличавшей российский политический курс, и переход к усилению конфронтации, повышению уровня насилия и не-технократической легитимации оказали значительное воздействие на мобилизацию населения, отчасти в русле концепции о временном бездействии: прямая оппозиция режиму практически исчезла, в рядах противников остались лишь самые идейные борцы, а открытая мобилизация протеста уступила место консолидирующей структуре идеологии и солидарности. Но более широкая протестная мобилизация не ослабевает — по крайней мере, механизмы ее зарождения не отличаются от тех, что мы наблюдали за десять и более лет до Болотной.

Настоящее отличие заметно в другом. Если ранее режим предотвращал обострение конфликтов и сдерживал мобилизацию населения, избегая явной идеологизации, то теперь его действия все в большей мере определяются логикой конфронтации, из которой он уже не может вырваться. Краснодарский протест — это исключение, которое, как кажется, лишь подтверждает правило; и, судя по всему, исключением он стал только из-за того, что власти остановили протест на самой начальной стадии.

Таким образом, переход российской политики в новое качество представляет угрозу не только для тех, кто составляет оппозицию режиму, но и для самого режима: нынешние власти не способны эффективно подавлять протест и оказываются — возможно, вопреки воле Путина — в логике дихотомической конфронтации, которая может привести к разрушительным последствиям. Живучесть протеста в России, таким образом, проистекает не из устойчивости организаций, но из общего понимания политики значительным количеством людей, для которых протест остается возможным, эффективным и по своей сути оппозиционным.

Примечания

- 1 GREENE S. *The End of Ambiguity in Russia* // Current History. 2015. October. Vol. 114. Issue 774.
- 2 MINKOFF D. C. *The Sequencing of Social Movements* // American Sociological Review. 1997 Vol. 62, №5. POLLETTA F. *Contending Stories: Narrative in Social Movements* // Qualitative Sociology. 1998. Vol. 21, №1. WHITTIER N. Political Generations, Micro-Cohorts, and the Transformation of Social Movements // American Sociological Review. 1997. Vol. 62, №5.
- 3 ГЕЛЬМАН В. *Политика страха: как российский режим противостоит своим противникам* // Контрапункт. 2015. Сентябрь. №1. URL: <http://www.counter-point.org/64-2/> (доступ 19.03.2016).
- 4 КОРЧЕНКОВА Н., ГОРЯШКО С. *Каждый четвертый боится делиться мнением с социологом* // Коммерсантъ. 2016. 21 января. URL: <http://kommersant.ru/doc/2897562> (доступ 19.03.2016).
- 5 FRYE T., GENLBACH S., MARQUARDT K., REUTER O.J. *Is Putin's Popularity Real?* // Post-Soviet Affairs, forthcoming.
- 6 РОГОВ К. *Крымский синдром: механизмы авторитарной мобилизации* // Контрапункт. 2015. Сентябрь. № 1. URL: <http://www.counter-point.org/%D0%BA%D1%80%D1%8B%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%BC/> (доступ 19.03.2016).
- 7 БАУНОВ А. *России не до смеха* // Отечественные записки. 2014. Т. 63, № 6. URL: <http://strana-oz.ru/2014/6/rossii-ne-dosmeha> (доступ 20.03.2016).
- 8 СКОРКИН К. *Общий язык ненависти* // Отечественный записки. 2014. Т. 63, № 6. URL: <http://strana-oz.ru/2014/6/obshchiy-yazyk-nenavisti> (доступ 20.03.2016).
- 9 ГУДКОВ Л. *Инерция пассивной адаптации* // Pro et Contra. 2011. Январь-апрель. URL: http://carnegieendowment.org/files/ProetContra_51_20-42_all.pdf (доступ 20.03.2016).
- 10 ГРИН С. *Природа неподвижности российского общества* // Pro et Contra. 2011. Январь-апрель. URL: http://carnegieendowment.org/files/ProetContra_51_6-19_all.pdf (доступ 20.03.2016).
- 11 ROBERTSON G. *Protesting Putinism: The Election Protests of 2011-12 in Broader Perspective* // Problems of Post-Communism. 2013. March-April. Vol. 60, No.2.
- 12 БИЗЮКОВ П. *Первые признаки большого цунами* // Газета.ру. 2016 г. 18 января. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2016/01/15_a_8023709.shtml (доступ 19.03.2016).
- 13 См. Акции // Activatica. URL: www.activatica.org/actions (доступ 20.03.2016).
- 14 GREENE S. *Beyond Bolotnaia. Bridging Old and New in Russia's Election Protest Movement* // Problems of Post-Communism. 2013. Vol. 60, № 2.; WHITE S., MCALLISTER I. *Did Russia Nearly have a Facebook Revolution in 2011? Social Media's Challenge to Authoritarianism* // Politics. 2014. Vol. 34, №1; СМЫТН, R., OATES S. *Mind the Gaps: Media Use and Mass Action in Russia* // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 67, № 2.
- 15 REUTER O., SZAKONYI R. *Online Social Media and Political Awareness in Authoritarian Regimes* // British Journal of Political Science. 2013. Vol. 45, №1.
- 16 Во время изучения движения *Indignados* в Испании Гонсалес-Байлон и др. обнаружили кривую вовлечения новых членов через Twitter, которая колебалась между вовлечением, основанным на событиях, и вовлечением, основанным на межличностных отношениях. GONZALEZ-BAILON, S., BORGE-HOLDHOEFER J., RIVERO A., MORENO Y. *The Dynamics of Protest Recruitment through an Online Network* // Nature Scientific Reports. 2011. №1.
- 17 GONZALEZ-BAILON S., WANG N. *Networked discontent: The anatomy of protest campaigns in social media* // Social Networks. 2016. Vol. 44; BORGE-HOLDHOEFER J., RIVERO A., GARCIA I., CAUHE E., FERRER A., ET AL. *Structural and Dynamical Patterns on Online Social Networks: The Spanish May 15th Movement as a Case Study* // PLoS ONE. 2011. Vol. 8, № 6.
- 18 BEISSINGER M.R. *The Semblance of Democratic Revolution: Coalitions in Ukraine's Orange Revolution* // American Political Science Review. 2013. August. Vol. 107, № 103. P. 574-592.